

ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВАМ ЗНАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕХОДА*

Н.П. Лукина, Н.Н. Самохина

Предпринята попытка осмысления теоретических и практических оснований наметившегося перехода к новой фазе развития современного высокотехнологического общества, получившего название общества знания. Предполагается ответить на следующие вопросы: почему на смену концепции информационного общества приходит концепция общества знания? Какие смыслы и ценности сформулированы в рамках западной теории общества знания? На какой идеологической платформе консолидируется общество знания? Как проецируется западная теория и практика общества знания на российские реалии?

Ключевые слова: информационное общество, общество знания.

FROM THE INFORMATION SOCIETY TO THE KNOWLEDGE SOCIETY: THEORY AND PRACTICE OF TRANSITION

N.P. Lukina, N.N. Samokhina

This article has an attempt understanding of the theoretical and practical bases of perceived transition to a new phase of development of modern high-tech society, called the knowledge society. Supposed to answer the following questions: why replace the information society concept comes the knowledge society? What meanings and values set out in the framework of the Western theory of the knowledge society? On what ideological platform consolidates the knowledge society? As projected Western theory and practice of public knowledge on the realities of Russia?

Keywords: information society, knowledge society.

Понятие общества знания впервые было использовано в 1969 г. университетским профессором П. Друкером и получило распространение в литературе начиная с 90-х гг. как синонимичное понятию обучающегося общества. Термином «общества знания» оперировали в разное время Ф. Махлуп, Р. Лэйн, Н. Штер, Г. Бехманн. Некоторые исследователи, подыскивая точный русскоязычный эквивалент термину «knowledge-based-society», рассматривают его как усиленный вариант понятия информационного общества, фиксирующего особую роль знаний как наиболее ценной формы информации. Роль знания обозначается в данном случае как ключевой фактор экономического развития, но при этом подчеркивается значение образования для всех на протяжении всей жизни как условие адаптации и автономии личности. Концепция общества знания возникла как итог критического осмысления западными интеллектуалами опыта

* Издание подготовлено при финансовой поддержке проекта № 6.4832.2011 «Организационно-правовые и философско-антропологические основания инновационных социокультурных практик (федеральный и региональный уровень)».

информационного общества. Интенсивные разработки концепции информационного общества, начавшиеся во второй половине XX в., в настоящее время пересматриваются в связи с их неадекватностью для понимания современной социальной реальности. Критике подвергается само понятие информации, осуществляется его деконструкция как понятия-абстракции высокого порядка, не фиксирующего специфику современного общества и потому не являющегося эффективным средством концептуализации. Отвергается также логика узкотехнологического детерминизма, сводящего сущность информационного общества исключительно к достижениям технического порядка, когда революция в сфере информационных технологий и коммуникации трактуется как исчерпывающая характеристика информационного общества, претендующего на статус единственно возможной формы социального устройства.

Предпринята попытка рассмотреть переход от информационного общества к обществу знания с позиции социальных сдвигов в их взаимосвязи и различии, помещенных в историческую перспективу. Анализу данной тематики в исторической перспективе препятствует имеющее место в современном социальном познании неприятие историцизма в попперовском смысле, методологии холизма и постмодернистский скепсис в отношении метанарратива. Ощущается также концептуальный социально-философский дефицит и теоретические трудности, поскольку за понятиями информационного общества и общества знания не стоят сформировавшиеся теории, имеющие развитый набор абстрактных объектов и признанный научный статус. В условиях терминологической импровизации и ситуативного использования понятий формируется практика разрозненной аналитики отдельных аспектов социальных структур как информационного общества, так и общества знания. Отсутствие надежного маркера для проведения сравнительного анализа обусловлено дефицитом связного теоретического горизонта, способствующего выявлению «реперных» точек перехода от информационного общества к обществу знания. Выработка целостного структурирующего взгляда, позволяющего систематизировать накопленные факты, имеющиеся точки зрения и аксиомы в рамках социологических, футурологических, философских и экономических концепций, претендующих на комплексный анализ социальных изменений последних десятилетий, возможна, на наш взгляд, в пространстве индустриальной парадигмы роста и развития, в свою очередь претерпевшей существенные трансформации с момента своего возникновения до настоящего времени.

Мы присоединяемся к мнению отечественного экономиста А.В. Бузгалина, согласно которому актуальным предметом социальных исследо-

ваний должен стать поиск нового системного качества современной социальной реальности. Это не должно быть механическое сложение исследований по проблемам взаимодействия разных форм обществ (индустриальных и всех видов постиндустриальных переходных типов), не их взаимные переходы и отличия друг от друга, но выявление общих черт любых трансформационных состояний вообще. «Система отношений между представителями различных технологических укладов и обусловленных этим существенно различающихся культурно-институциональных, социально-классовых, экономических миров – это особый пласт социальных отношений и особый предмет социальной науки. Здесь теоретический и методологический срез проблемы трансформации в рамках одной страны, одного сообщества, а также проблема соотношения разных по уровню развития социальных миров, сосуществующих и взаимодействующих в одном историческом времени», – полагает А.В. Бузгалин [5, с. 184].

С нашей точки зрения, в качестве такого системного фактора могут рассматриваться идеология и ее трансформации в виде изменения ценностных ориентаций, идейных обоснований способов конституирования социальности при переходе от индустриализма к постиндустриализму (информационному обществу), а затем к обществу знания. При этом мы разделяем позицию французского исследователя Ж. Дюмезиля, согласно которой идеология наделена тремя основными функциями, которые обеспечивают группам людей стабильность, осмысление действительности и формирование социальных систем [7].

Последние два столетия в истории человечества проходят под знаком развития, понимаемого в философии как качественные изменения, проектируемые на социальные, экономические, политические процессы. Развитие в европейской традиции, в первую очередь, трактуется как продвижение по пути индустриализации. И марксистская и либеральная доктрины с точки зрения философских идей являются индустриальными доктринами. Антропологические взгляды от К. Маркса до Ю. Хабермаса в своей основе содержат идею развития как процесса эмансипации человека от природы и высвобождения свободного времени. По мнению известного отечественного исследователя С.Г. Кара-Мурзы, идеология индустриального общества, с ее категориями развития, прогресса, свободы основана на европейской науке Нового времени. Симбиоз науки и идеологии способствовал победе индустриальной революции, провозгласившей приоритет расширенного производства, связанный с ним индивидуалистический стиль жизни, освобождение науки от моральных ценностей, поскольку ценности нельзя выразить в присущей естествен-

ным наукам терминологии количества [11, с. 8]. Системные кризисы индустриальной модели и идея о непосредственном процессе ее разрушения, сформулированная В.Л. Иноземцевым, инициировали обсуждение в научном сообществе проекта постиндустриализма – социального устройства, следующего за индустриализмом и характеризующегося доминированием производства информации и услуг [9, с. 17].

На начальном этапе развития социально-философской теории современного общества активно использовался префикс «пост», подчеркивающий разрыв новой эпохи с предшествующей, т. е. индустриальной. Одной из самых авторитетных теорий такого типа стала постиндустриальная концепция Д. Белла, которая складывалась как футурологическое описание грядущего социального устройства, призванного смягчить кризисные тенденции начала 70-х гг. XX в. Эта задача не была столь актуальной в годы послевоенного подъема экономики, развития потребительского капитализма, индустрии развлечений, обусловленных научно-техническими достижениями 50–60-х гг., когда возникли многочисленные теории «индустриального общества», «общества потребления», «общества благоденствия», а Д. Белл написал известную работу с оптимистичным названием «Конец идеологии». Однако уже в последующих работах «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) и «Культурные противоречия капитализма» (1979 г.) идеология актуализировалась как осознание необходимости в обосновании новых структурных изменений в социальной системе капиталистического общества. В конечном итоге Д. Беллом были сформулированы следующие долгосрочные тенденции развития индустриализма, переходящего в постиндустриальную фазу:

- усиление роли науки и когнитивных ценностей как основных институциональных потребностей общества;
- компетентность в выработке и принятии решений в процессе научной экспертизы, обеспечивающие ученым непосредственное участие в политическом процессе;
- бюрократизация умственного труда, деформирующая определение традиционных интеллектуальных целей и ценностей;
- увеличение численности и социального веса технической интеллигенции, провоцирующее конфликты с гуманитарной и литературной интеллигенцией, что обостряет проблему «двух культур» – научно-технической и гуманитарной и повышает роль университетов в ее решении;
- в целом моральный климат отдаленного будущего в постиндустриальном обществе будет зависеть от статуса и этических норм науки, от нарастания или преодоления индивидуализма с его проекциями в авангардистскую культуру и массовый потребительский гедонизм [16].

Сравнивая типы доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ, Д. Белл не ставил целью описать эти социальные системы, но стремился показать качественные изменения, происходящие в их структуре. Принципом для социальной структуры экономико-технической системы является функциональный рационализм и эффективность, для политики – равенство и представительство, для культуры – самовыражение. В его концепции пересмотр социальных ориентиров отталкивается от сциентификации всех областей жизни, т. е. признания того факта, что знания и информация являются осью современного общества. Впоследствии Д. Белл отказался от понятия постиндустриального общества в пользу информационного. Номинативный сдвиг, совершенный Д. Беллом, наметил вектор перехода от индустриального к постиндустриальному, затем информационному обществу, а от него к обществу знания, не только как к формам движения социальной реальности, но и как к объектам научного анализа.

Концепция Д. Белла вызвала многочисленные отклики и многостороннюю критику, что послужило началом не завершенной до настоящего времени дискуссии о соотношении индустриального, постиндустриального и информационного обществ. Так, представители французской социологической школы С. Нора и А. Минк скептически оценили универсалистские притязания постиндустриализма, видя в нем усовершенствованный вариант индустриального, т. е. либерального и рыночного подхода к развитию общества, перспектива которого видится в достижении транквилизованного состояния через наращивание изобилия, равенства жизненных стандартов как основы для преодоления социальных напряжений. По мнению этих авторов, «постиндустриальный подход продуктивен в отношении информации, управляющей поведением производителей и покупателей, но бесполезен при столкновении с проблемами, зависящими от культурной модели» [18, с. 133].

Восполнить данный пробел попытались представители постмодернизма, обратившие внимание на социокультурные основания перемен последней четверти XX в. и роль знания в этих процессах. Общий посыл постмодернистской социальной теории исходил не из интереса к экономическим трансформациям, проблемам труда и занятости, а к сферам информационной повседневности – СМИ, моды, рекламы, самосознания человека. Постмодернистский дискурс настаивал на признании кризиса идеологии Просвещения как «архео-онто-тео-телео-фоно-логоцентризма» (Ж. Деррида) и понимании того, что социальная машина всегда первична по отношению к технической, именно социальная машина отбирает и назначает к использованию технические элементы (Ж. Делез). Тем самым утверждалось, что производство знаний, ориентированное на

хозяйственное использование есть упрощенное и одностороннее понимание качественных изменений социальной реальности и что отход от технологических детерминаций должен быть направлен в сторону поиска социокультурных и антропологических оснований постиндустриального общества. Авторы постмодернистского направления – Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймисон – артикулировали перечень социокультурных детерминант, обусловивших генезис современного общества, к которым отнесены логоцентризм, рационализм и индивидуализм, капитализм с презумпцией экономической эффективности и расчета, милитаризм, контркультура и эксперименты художественного авангарда. Поскольку постиндустриальное общество является феноменом Запада, с его философией, мировоззрением, идеологией, то его специфика определяется перечисленными чертами. Отечественный философ А.А. Зиновьев называет западную идеологию плюрализмом в рамках одной идеосферы, которая сочетает в себе либерализм, консерватизм, социал-демократию, протестантскую этику и образует ценностно-ориентационный и поведенческий образ жизни западного высоко индустриального общества. Идеология современного западного общества гетерогенна, но это разнообразие без выхода за систему базовых ценностей [8].

Для Ж. Бодрийяра радикальные трансформации современности обусловлены «концом социального» и определяются метаморфозами смысла и знания. Истина, смысл, знания исчезают, остается знаковость и зрелищность. Перспективы знания призрачны, поскольку «...избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях» [4, с. 21].

Работа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979 г.) представляет своеобразный отчет об эпистемологических последствиях достижений естественных наук, которые совпали с началом постиндустриального общества. Ж.-Ф. Лиотар фиксирует тезис о знании как главной экономической силе общества, но одновременно отмечает утрату его традиционной легитимации. Наука не более чем одна из языковых игр, она потеряла имперские привилегии по отношению к другим знаниям эпохи модерна. Наука характеризуется становлением плюрализма в аргументации, технизацией доказательства, сведением истины к результативности. Новая легитимация знания содержится в его эффективности. Трансформация науки происходит в условиях дискредитации больших нарративов модерна: немецкого идеализма, повествующего о духе как последовательном развертывании истины и французской истории об эмансипационной роли революции и человеке как герое, освобождающем самого себя через продвижение в познании. Таким образом, Ж.-Ф. Лиотар исследует совре-

менность как стадию когнитивного развития, размышляет об эпистемологической судьбе естественных наук, при этом фиксируя радикальное изменение во всех сферах человеческого существования. Кризис метанарратива устанавливает критическое отношение к любой системе идей, претендующих на универсальность и устанавливающей идеологическую монополию. Релятивизация и децентрация в системе знания не предполагают привилегированного доступа к истине, что принципиально меняет роль и значение ученых как основных субъектов продуцирования знания [12].

Ф. Джеймисон в работе «Постмодернизм – культурная логика капитализма» (1982–1984 гг.) связывает становление новой стадии обществ потребления с объективными изменениями в экономике капитализма, которая становится транснациональной. Автор отмечает новые экзистенциальные горизонты этих обществ и заметную трансформацию в их базовых структурах. Ф. Джеймисон пишет: «...Как экономика услуг мы настолько удалились от реалий производства и труда, что живем в придуманном мире искусственных стимулов и телевизионного опыта: никогда за все время существования цивилизации великие метафизические поиски, фундаментальные вопросы бытия и смысла жизни не казались столь неуместными и малозначимыми» (цит. по [1, с. 70]). С точки зрения психологии Ф. Джеймисоном отмечено появление новой идентичности, новой субъективности как утраты любого активного чувства истории и как надежды (перспективы), и как памяти [1, с. 75–76]. Некогда четко отделенные друг от друга дисциплины, формирующие мировоззренческий и аксиологический профиль личности – история искусств, литературная критика, социология, политология, история – стали утрачивать свои ясные границы, скрещиваться между собой в гибридные, междисциплинарные исследования, которые теперь нелегко отнести к той или иной области [1, с. 82]. Ф. Джеймисон описывает современное общество как неограниченный, всеохватный капитализм, развивающийся в логике рынка и спектакля, для понимания которого необходима теория, адекватная его глобальному масштабу. Мы имеем дело с классовым обществом, социальная структура которого претерпела определенные трансформации, обусловленные реалиями постиндустриальной стадии развития. Эта структура:

- Содержит новую зажиточную страту наемных работников и профессионалов, созданных быстрым ростом сферы услуг и спекулятивного сектора развитых капиталистических обществ, олицетворяющих определенный социокультурный вектор.

- Над этим тонким слоем надстраиваются массивные структуры транснациональных корпораций, символизирующие автоматизированные механизмы производства и власти.

- В результате старого разрушенного индустриального порядка ослабленные традиционные классы представлены как сегментированные идентичности локализованных групп этнической и половой принадлежности.

Как перспектива, способная трансформировать сложившуюся социальную структуру Ф. Джеймисоном рассматривается третий мир и его демографический потенциал [1, с. 82–83].

Социальная стратификация, зафиксированная Ф. Джеймисоном, оставляет без ответа вопрос о том, кто является субъектом продуцирования знания и каковы механизмы воздействия знания на социальные изменения? Постиндустриальная фаза в развитии общества также нуждается в новой социальной и культурной критике, способной подвергать рефлексии социальные институты образования, политики, культуры. Возникает вопрос относительно тех социальных групп, которые возьмут на себя эти функции.

В рамках обсуждения специфики постиндустриального периода следует признать более результативной дискуссию западных социологов относительно его классовых характеристик, обративших внимание, в первую очередь, на амбивалентность нового класса интеллектуалов и его роль в идеологическом обосновании переходной социальной реальности. К новому классу высшей интеллигенции социологами были причислены: ученые, преподаватели, журналисты, представители средств массовой информации, «социальные работники» (психологи, юристы, проектировщики, высокопоставленные чиновники, управленческая бюрократия), т. е. категория людей, способных к порождению и распространению идей, ценностей, смыслов, символических фактов и норм. Традиционно этому классу приписывались свобода исследований и функция социальной и художественной критики. Профессор Лондонского университета Р. Скратон говорит о большом интеллигентном классе общества, который не может быть ангажирован какой-то одной партией, а должен стремиться поддерживать порядок и хорошее управление во всем обществе [20, с. 191]. Однако немецкий социолог Х. Шельски отметил тот факт, что по мере роста значимости профессиональных знаний и занятия интеллектуальным трудом изменилась и даже деградировала общественная функция интеллигенции. С одной стороны, способность к критической рефлексии позволяла ей формировать идеологию, с другой – проникать в высшие сферы политической власти, занимать там привилегированное

положение, отстаивать свой классовый интерес в сохранении капитализма. Х. Шельски доказывал, что среди интеллигенции возникла новая властвующая группа, фактически ведущая себя так же, как и любой правящий класс, с той лишь разницей, что она старается обеспечить свое господство идеологическими средствами [19].

Таким образом, в западной и отечественной социальной мысли утвердилось мнение, согласно которому проблемы социально-экономических и культурных трансформаций в современном мире, его новое состояние могут быть поняты в русле анализа постиндустриальных тенденций. Здесь можно выделить два принципиальных подхода к этому анализу. Первый, утверждающий преемственность с индустриальным укладом и вытекающими из этого основными противоречиями и характеристиками, включая понимание информационного общества как завершающего этапа постиндустриализма (В.Л. Иноземцев). Второй подход видит в постиндустриализме и его информационной стадии качественно новую модель социальной системы с глобальными трансформациями в виде информационной экономики (неоэкономики, экономики знаний), сетевых корпораций, деконструкции социальной структуры, гибкой системы занятости, индивидуализации производства, наступления посттрудового общества (М. Кастельс). Последний подход подвергается критике по нескольким направлениям. Так, Г. Бехманн обращает внимание на переоценку эффективности объективного технического и научного знания в социальных трансформациях. Информационная экономика, как и экономика знаний, развиваются на основе индустриального подхода, но при этом нет достаточного внимания к тем социальным группам, чье влияние на общество увеличивается благодаря знаниям. Исходя из такого видения постиндустриализма, информационное общество имеет преимущество перед индустриальным обществом лишь в том, что использует новые возможности коммуникации и интеракции, подкрепленные информационно-коммуникационными технологиями. «Информационное общество уместно рассматривать не столько как постиндустриальное, сколько как информатизированное индустриальное общество, живущее по законам рыночной экономики», – определяет Г. Бехманн [3, с. 115]. Л. Мясникова также полагает, что новая экономика как неокapитализация и неомаркетизация есть продолжение старой индустриальной экономики, основанной на энергии в адекватной информационной оболочке [13].

Анализ социально-технологической структуры постиндустриального общества, осуществленный Р. Флоридой в его известной работе «Рост творческого класса», содержит констатацию расширения числа лиц, занятых деятельностью, содержащей творческую компоненту, однако, автор видит существенные различия внутри страты работников сервиса,

имеющей два центра тяготения – креативные работники и работники, занятые репродуктивным трудом [17]. Эту тенденцию отмечают и другие исследователи. «Если под постиндустриализмом понимать не только постпромышленную отраслевую структуру, но и, прежде всего, изменения в содержании труда и технологиях, то рост сервиса как таковой окажется очень противоречив», – считает А.В. Бузгалин [5, с. 188]. С одной стороны, налицо прогресс отраслей с творческим содержанием, с другой – в массовых масштабах развивается средне- и низкоквалифицированный труд. Если исходить из тезиса, что иной модели общественного устройства для северных стран позднего капитализма не предполагается, то креативный класс по-прежнему оказывается функцией корпоративного капитала и в основном сосредоточен в отраслях бизнеса, финансов, госуправления, милитаризма и в обслуживающих их науке и элитарном образовании, а также в масс-медиа, СМИ, индустрии развлечений. Доминирующими ценностями этого класса по-прежнему остаются ценности потребления.

Узловые моменты постиндустриальной концепции и аргументы ее критики позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, несмотря на то, что темпоральное определение постиндустриализма лишено серьезной периодизации, он вырастает из индустриализма, его фундаментальных мировоззренческих установок на прогресс, унификацию, стандартизацию, универсализацию. «Эмпирической основой эпистемологии современных обществ является индустриализация с ее бесконечным удовлетворением все возрастающих потребностей при помощи увеличивающихся богатств, улучшения технологий, силы науки, всеобщего образования, индивидуальных свобод», – утверждает профессор Манчестерского университета Т. Шанин [15, с. 111]. Во-вторых, развиваемая на основе постиндустриальных предпосылок идеология информационного общества предполагает поступательное движение человечества, в направлении, заданном все тем же индустриальным вектором. Безусловно, информационное общество демонстрирует изменения, которые присутствуют не только в технологиях, но и в социальных институтах, общественной жизни. При этом есть качественные изменения, социальные последствия которых амбивалентны. «Развертывание энергетических, информационных, сетевых структур мирового масштаба могут служить как свободному распространению знаний и общедоступному образованию, так и развертыванию финансовых спекуляций», – полагает А.В. Бузгалин [5, с. 189].

В процессе становления теории информационного общества в рамках западных и отечественных исследований в последние десятилетия осу-

ществлена аналитика, направленная на уточнение категорий информации, знания, информационного работника, экономики знаний. Исследована специфика информационного труда как нефизического (М. Кастельс), отмечено разрастание интеллектуальной функции общества и понятие стандартизированного интеллектуального труда (М. Мамардашвили). Обозначен феномен «сдвига власти» как переноса понятия гегемонии из внутривластной сферы во внешнеполитическую, осуществляющую контроль над информационными потоками в глобализирующемся мире (О. Тоффлер). В целом теории информационного общества отражают технологический оптимизм, трансцендентность научно-технического прогресса по отношению к социуму, положительное отношение к информационно-коммуникационным технологиям как определяющему фактору социальных преобразований. В качестве негативных тенденций отмечаются отчуждение, коннекционистская эксплуатация, закамуфлированная в сетевом мире, деконструкция классов, технологизация и коммерциализация науки, цифровой раскол. Информационный бум размывает границу между информацией и знанием и рождает иллюзии, что количественное увеличение объема информации влечет за собой глубокую трансформацию общества, основанного на достоверных знаниях. Отечественный исследователь В.Г. Горохов определяет информационное общество как общество не-знания, рождающее чувство неустойчивости настоящего [6, с. 66].

В условиях междисциплинарного подхода к изучению информационного общества основной методологической проблемой остается отсутствие общенаучного статуса у понятия информации. С точки зрения идейного обоснования обнаруживается проблемный характер универсалистских притязаний идеологии информационного общества, развиваемой на платформе постиндустриализма. В контексте современного разочарования как в марксистских, так и либеральных доктринах, несостоятельности идеологии конвергенции как уравнивания технологического и военного потенциала двухполярного мира, предложенной Д. Беллом и понимаемой им как конвергенция планируемости, рациональности, наращивания благосостояния, не представляется обоснованным утверждение о безальтернативности социального развития, сводимого к реалиям информационного общества. Мы присоединяемся к мнению Т. Шанина о том, что «...индустриализм в его ведущих вариантах не исчерпывает собой социальной реальности и ее потенциальных возможностей» [15, с. 111]. Нам представляется методологически продуктивной и теоретически состоятельной его концепция эксплоярной экономики, как «неформальной экономики», «второй экономики», не укладывающейся в схемы индустриализма. Этот тип экономики, не

включенный в мейнстрим мировой системы, демонстрирует жизнеспособность, собственную логику и динамику, реагирование на широкий социальный контекст и способность к социальному воспроизводству. Глубокая социальная укорененность таких укладов, их жизнеспособность, по мнению Т. Шанина, должна стать предметом аналитического и идеологического откровения [15, с. 111]. Им присуща гибкость в реагировании на спрос, передача опыта через социализацию детей в семейном бизнесе, неформальный, персонализированный, а не бюрократический и юридический характер организации. «Эксполярные типы экономической деятельности укоренены или растворены в широком контексте человеческого взаимодействия, то есть редко когда ориентированы просто на прибыль или на достижение каких-то определенных целей и в этом смысле не очень рациональны. Поэтому они более социальные, то есть определены нормами первичных сообществ и индивидуализированных выборов со стороны семей или индивидуальных участников» [15, с. 114]. Особенности, противостоящие операциональной логике правил игры и бюрократических структур современного рынка и государственного планирования, не позволяют квалифицировать данные типы как маргинальные эпифеномены, не имеющие собственных причин. Для мира, в котором мощные индустриальные страны завладели развитыми технологиями и рынками, они представляют собой важное явление для реалистического исследования современных экономических и социальных форм, выделения аналитическим и эмпирическим путем альтернативных способов деятельности, отличных от доминирующих экономик как промышленно-бюрократических комплексов. Труд, занятость, семейный бюджет, локальные энергетика, народные технологии, информация и критерии ее достоверности – все это эмпирический материал, проверенный не столько рациональными схемами, сколько вековым опытом, и требующий каталогизации и кодификации. Существование альтернативных экономик позволяет выявить различие операциональных целей и способов их реализации по сравнению с доминирующими социально-экономическими формами. Выживание, напряженный труд, потребление, благосостояние в противовес экспансии, отчужденным формам труда, беспредельному накоплению капитала, имеющему целью повышение своего экономического и социального статуса; деперсонифицированное беспредельное соревнование и неприсоединение к доминирующей экономике; экономическая сегментация в противовес экзистенциальным и социальным целям [15, с. 115].

На наш взгляд, тип эксполярной экономики может рассматриваться как ключ к пониманию обществ знания, поскольку это общества, источником развития которых также являются собственное многообразие и

собственные способности. В обществах знания ценности и практика творчества, новаторства играют важную роль благодаря их способности к пересмотру существующих социальных моделей. Это обстоятельство инициирует новый всплеск интереса к специфике, видам и месту знания в структуре человеческой деятельности, содержащей творческую компоненту.

Концепция общества знания в западной академической среде рассматривается как альтернатива информационному обществу, однако она возникла как результат переноса идей экономического порядка в широкое поле социальных исследований, проблематика которых уже была сформулирована в теориях информационного общества. Акцент на идеалах научности и воспроизводстве знаний как факторе устойчивого развития общества, изменения в когнитивно-информационной составляющей современного труда и общественного производства, требования к системе высшего образования – это социально-философское содержание оказывается общим для теории информационного общества и общества знания и позволяет рассматривать их как разновидности одной парадигмы. В таком случае мы имеем количественное нарастание уже имеющихся тенденций и параметров, без выхода на качественные характеристики общества знания. Обратимся к авторитету Г. Бехманна, который полагает, что отличия общества знания от индустриального общества могут быть выявлены на основе его типического способа производства, а именно фордизма, преобразующего природные ресурсы в средства потребления, фабричного труда на основе принципа тейлоризма и возникновения в постиндустриальный период процессов тертиаризации, т. е. экономики услуг как альтернативы промышленному производству. «Переход к обществу знания – это дематериализация и сокращение энергозависимости при одновременном возрастании роли информации и знания. Этот тренд сопровождается процессами глобализации, требующими высокого уровня информационного и организационного обеспечения в сфере управления техническим производством» [3, с. 117]. Данная характеристика не представляется исчерпывающей, поскольку просто фиксирует переход от фордистско-кейнсианской модели массового производства, поддерживаемого государством и функционирующей с 1940 по 1980 г., к модели постфордистской без указания ее особенностей. Более содержательным представляется другое высказывание Г. Бехманна о том, что «...решающим для перехода к обществу знания является то, что знание предполагает активное участие в наращивании культурных ресурсов общества. Научное знание способствует тому, что материальное покорение природы трансформируется в научно контролируемый процесс. Это не означает, что у общества исчезают другие источники знания, такие как

житейская мудрость, религиозное знание, поэтическая интуиция» [3, с. 118]. Близка к этой позиции и точка зрения В.Г. Горохова, который определяет термин «общество знания» как более общий по отношению к экономике знаний, потому что научные знания важны не только с позиций эффективности экономики, но и потому, что они в разнообразных формах входят в повседневную жизнь людей [6, с. 65].

Проект общества знания в геополитическом контексте может рассматриваться как альтернатива объединенной Европы американскому варианту общества потребления и его концептуализации в теориях информационного общества. В написании аналитического доклада «К обществам знания», инициированного ЮНЕСКО, приняли участие ведущие философы и социальные теоретики современности: Д. Ваттимо, Ж. Деррида, М. Кастельс, Ю. Кристева, Б. Латур, П. Рикер, А. Турен, Ю. Хабермас и др. При подготовке доклада использовались материалы отечественных исследователей Ю.Н. Афанасьева и С.П. Капицы.

Общество знания, по мнению авторов доклада, ориентируется на духовное и интеллектуальное развитие, демократические ценности и саморазвитие личности, выработку новых форм солидарности. Размышления об обществах знания позволяют переосмыслить саму концепцию развития с точки зрения ценности человеческого капитала и многообразия систем знаний, включая мудрость, автохтонные (местные) и рецептурные знания. Парадигма роста и развития как квинтэссенция идеологии индустриализма, содержащая в себе идею общества знания, требует также прояснения его перспектив, конечных целей, вызовов и рисков, сопровождающих процесс становления этой формы социального устройства.

Идеологический посыл концепции общества знания в свернутом виде заключается в тезисе о долгосрочном развитии современного общества на стыке науки, экономики, политики, образования. Если потенциал информационного общества основан на достижениях технологии, то развитие общества знания подразумевает более широкие социальные, политические, этические параметры. В рамках концепции общества знания были сформулированы следующие приоритеты:

- более справедливая оценка существующих знаний для борьбы с цифровым, когнитивным и лингвистическим расколом, сформировавшимся в информационном обществе;
- более широкое участие заинтересованных лиц в решении вопроса равного доступа к знаниям;
- более успешная интеграция политических действий в области знания.

Переход от информационного общества к обществам знания квалифицируется как переход к новой, не столько технологической, сколько

социальной парадигме. Роль знания артикулируется в двух аспектах: оно не только ключевой элемент экономического развития, но также фактор, способствующий развитию человечества в плане обретения самостоятельности отдельными людьми. В основе общества знания лежат осознанная потребность и реальная возможность находить, производить, обрабатывать, преобразовывать, распространять и использовать с целью получения и применения знаний, необходимых для развития человечества. Задачей общества знания является развитие критических и теоретических когнитивных способностей. В концепции общества знания формулируется тезис о том, что наиболее распространенным и возобновляемым ресурсом в мире является способность к творчеству, нуждающаяся в защите и поощрении. Для этого необходимо расширение прав и возможностей отдельной личности, которые реализуются в странстве интеграции, солидарности и участия. Таким образом, общества знания призваны осуществить то, что не удалось в полной мере информационному обществу – добиться диалога между культурами и новых форм демократического сотрудничества, способствующих достижению подлинного смыслового взаимопонимания. Концепция обществ знания опирается на представление о том, что создание таких обществ открывает путь к гуманизации глобализационных процессов посредством устранения водоразделов и запретов как между Севером и Югом, так и внутри каждого общества. Важность, которую приобретает национальное, культурное и лингвистическое многообразие, подчеркивает, насколько проблема доступа к знаниям неотделима от условий их создания. С обществами знания связано представление о более адекватном решении проблемы получения знаний, чем просто наличие технологического доступа к информации, которым определяется сущность информационного общества. Для создания обществ знания невозможно ограничиться только свободой передачи информации, необходимо обмениваться информацией, сопоставлять, критиковать, оценивать и осмысливать информацию, опираясь на ее научный и философский анализ, с тем, чтобы каждый заинтересованный человек мог производить новые знания на основе информационных потоков. Знание рассматривается с этих позиций как инструмент критического анализа, рефлексии в отношении обрушивающегося на человечество потока информации. Таким образом, растущее несоответствие между информацией и знанием, разрыв между развитыми и развивающимися секторами мира побуждают видеть перспективу устойчивого развития человечества на пути становления общества знания как синтеза достижений информационного общества, экономики, основанной на знаниях, обучающегося общества, обучения для всех в течение всей жизни.

Являются ли общества знания источниками новых рисков? В аналитическом отчете названы некоторые из них, хотя трудно согласиться с тем, что предпосылок для них в предшествующий период не существовало. Общества знания называют обществами технологического наблюдения или контрольной революцией, которая находится в центре цифровой революции. Здесь мы имеем дело с конфликтом ценностей поощрения открытости и свободы информации и незаконным вторжением в личную сферу, что приводит к смешению «знания для всех со знанием обо всех» [10, с. 50]. В области культуры малообещающей признана тенденция превращения общества знания в общество всеобщего развлечения. «Призрак пустого легкомыслия начинает преследовать наши насыщенные зрелищами общества» [10, с. 62]. В области высшего образования эксперты обеспокоены его коммерциализацией, стремлением университетов к получению прибыли, а так же тем, что на мировом рынке высшего образования развивающимися странам отводится роль потребителя [10, с. 93]. Отличительной чертой обществ знания оказывается привилегированное положение некоторых областей знания – информатики, биологии, нанотехнологии, подъем которых сопровождается мощной междисциплинарной интеграцией и усилением влияния экспертного сообщества, в которое входят сами ученые. Эксперты в качестве сообщества знающих людей, легитимируют решения политиков с помощью авторитета знания, реализуя идеологическую функцию, возникшую в индустриальном обществе. Что же касается гуманитарной составляющей общества знания, то ключевые фигуры, связанные с его появлением: преподаватели, исследователи в области социогуманитарных наук, люди творческого труда, журналисты, ответственные деятели неправительственных организаций, – несут ответственность за возрождение критической и гуманистической традиции, призванной подвергать сомнению обоснованность политических решений в области научных исследований, развития новых технологий, управления рисками, антикризисного управления, охраны окружающей среды, образования, здравоохранения [10, с. 201]. Успехи гуманитарной общественности в этом направлении с неизбежностью сделают общество знания прогнозируемым обществом.

Таким образом, подводя итоги, перечислим те ценности, которые лежат в основании общества знания и призваны придать знаниям человеческое измерение. Во-первых, процесс гомогенизации культур, за которым следует вымирание языков и культурных традиций во многих регионах мира, ставит в число первоочередных задач общества знания сохранение лингвистического многообразия. Многоязычие облегчает доступ к знаниям на всех уровнях обучения. Ценность лингвистического разнообра-

зия заключается в том, что помимо кодифицированных знаний и отформатированной информации, оно сохраняет и продвигает «живые» знания – местные (автохтонные), ноу-хау, устные традиции, повседневные знания. Взаимодополнение знаний, подчиняющихся разным режимам функционирования, позволяет сохранять уникальные типы мышления, его когнитивную гибкость и вариативность.

Во-вторых, общество знания декларирует ценность перевода, как социокультурной и лингвистической практики, устанавливающей диалог, взаимопонимание и согласие между цивилизациями, странами и отдельными людьми. Перевод выполняет миссию посредника между культурным и когнитивным разнообразием и универсальным характером знания.

В-третьих, как обучающееся, общество знания не может быть обществом единственной информации. Двойной образовательный курс, провозглашенный ценностью общества знания, с одной стороны, устанавливает равновесие между языками межнационального общения и родными языками, с другой – в условиях гегемонии технических научных знаний дополняет их гуманитарными науками.

Проблема отечественных проекций западного опыта построения общества знания лежит в области рассмотрения условий, особенностей, интенсивности и перспектив его формирования в России. У этой проблемы есть практическая составляющая, фиксирующая страновые разрывы – технологические, цифровые, когнитивные, а также преобладание сырьевой специализации российского экспорта над экспортом интеллектуальной собственности. Для России остро стоит вопрос о позиционировании себя в мировом разделении труда, уточнении своего статуса, профессионально-квалификационных и социально-экономических параметров. Условно можно говорить о западном и восточном путях формирования общества знания. Анализ литературы показывает, что разработка интегративного подхода, объединяющего в себе теоретические исследования и эмпирические данные, в основном присутствуют на Западе. В России нет фундаментальных трудов, а имеющиеся исследования ориентированы на технологические аспекты, тогда как социокультурные проекции общества знания, например сфера образования, оказываются периферийными. Следует отметить, что и на Западе и в России проблематика общества знания обсуждается не столько в академической среде, сколько в политических программных документах правительственных и международных организаций, что подтверждает идеологическую составляющую концепта общества знания.

Рецепция западного опыта осмысления и построения общества знания возможна при условии понимания того, что эта модель основана на

особой цивилизационной парадигме, ядром которой является процедурный подход ко всем явлениям жизни, включая либерализацию рынка информационных супермагистралей, их универсальное обслуживание, а также делиберативную (консенсусную) форму демократии. Восприятие западной модели должно учитывать политико-экономические, культурные, демографические, географические особенности российской действительности, тяготеющей к сотрудничеству государства и рынка, к традиционным ценностям патернализма, медленным темпам социальных преобразований, островным характером информатизации социальных процессов. Интерес к проблемам повышения качества и эффективности использования человеческого потенциала со стороны такой авторитетной международной организации, как ЮНЕСКО, разработка международных и региональных программ адаптации различных стран мира к вызовам общества знания инициировали разработку Стратегии развития информационного общества в России, утвержденную Советом Безопасности РФ до 2015 г. [14]. Этот программный документ в контексте концепции обществ знания отдает приоритет научным знаниям как реальному фактору экономики, повышению качества образования, развитию человеческого потенциала, расширению прав и возможностей граждан в получении и использовании информации и знаний. «Точками роста» общества знания в России являются начавшаяся диверсификация образования, пристальное внимание к проблемам его качества и релевантности как условия вхождения в мировое образовательное и научное пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон П.* Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
3. *Бехмани Г.* Общество знания – краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 113–126.
4. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность Зла. М.: Добросвет, 2000. 260 с.
5. *Бузгалин А.В.* Что же такое постиндустриальный капитализм // Альтернативы. 2008. №3. С. 177–191.
6. *Горохов В.Г.* Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 65–80.
7. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1987. 234 с.
8. *Зиновьев А.А.* Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 512 с.
9. *Иноземцев В.Л.* Расколотая цивилизация: системные кризисы индустриальной эпохи // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 3–18.
10. *Обществам знания.* ЮНЕСКО. Париж, 2005. 240 с.
11. *Кара-Мурза С.Г.* Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 3–26.

12. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
13. *Мясникова Л.А.* Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. 2002. № 7.
14. *Стратегия* развития информационного общества в России (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minsvyaz.ru/ministry/documents/1117/2460/2461.shtml>.
15. *Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
16. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. London, 1979. 418 p.
17. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. NY, Basic Books, 2002. 434 p.
18. *Nora S., Minc A.* The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge, L, 1980. 254 p.
19. *Schelsky H.* Die Arbeit tun die anderen. Opladen, 1975. 447 p.
20. *Scruton R.* The Meaning of Conservatism. Penguin Books, 1980. 201 p.